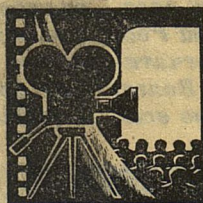

сии, обозрения

«Недавно узнала, что известный польский мастер кино и общественный деятель Станислав Микульский теперь живет в Москве, возглавляет Центр польской культуры,— пишет Г. Глазкова из Новосибирска.— Так ли это? Нельзя ли, чтобы ваши кор-

респонденты поговорили с ним? Он давно нами любим, и мы гордимся, что такой популярный артист сегодня делает все, чтобы укреплять польско-советскую дружбу...». Почему бы действительно не поговорить со Ста-

ниславом Микульским по просьбе наших читателей? Ведь он работает в Москве уже почти год. И нынешний, 1989-й, для него в какой-то мере юбилейный. С этого и начался наш разговор со знаменитым польским деятелем искусства.

Станислав МИКУЛЬСКИЙ:

«Чему ты верен на всю жизнь?..»

— Действительно, в этом году у меня две важные даты — 60-летие со дня рождения и 40-летие моей первой встречи с кинематографом,— сказал Станислав Микульский.— Хотя родители мои мечтали видеть меня инженером. Но так случилось, когда я в 1949 году заканчивал учебу в школе, меня пригласили сниматься в фильме «Первый старт». Не правда ли, символическое название? Мне предложили роль Франека, отличника, председателя учкома в школе планеристов. Так вот и состоялся мой кинематографический старт.

Теперь, оглядывая все прошедшие годы, я могу подвести некий творческий итог. Я снялся примерно в восьмидесяти кино- и телевизионных художественных картинах, а в театрах сыграл более ста ролей. И никогда не жалел, что избрал профессию актера...

Нашим читателям, пожалуй, не известно, что в театре вам больше всего приходилось играть, образно говоря, людей «в штатском», героев комедий и трагедий, пьес современного и классического репертуара. А вот в кино вы чаще всего играли военных. Вы прославляли отвагу, стойкость, мужественность. Ваш капитан Клоос из телесериала «Ставка больше, чем жизнь», бесспорно, известен у нас больше других ваших фильмов. Справедливо ли, что кино показало вас как актера несколько однобоко?

— Да, моя актерская биография складывалась противоречиво. Действительно, как вы отметили, в кино у меня было очень много «мундирных» ролей. Однако это вовсе не означает, что все мои герои в чем-то схожи. Нет, они — разные люди. Иногда — штатские, но вставшие на путь борьбы. Среди них, например, партизан поручик Клигнд в «Цветках борьбы»; молодой повстанец, участник трагического Варшавского восстания Смукий в знаменитом фильме Анджея Вайды «Канал»; юный конспиратор, подпольщик Ядек в «Покушении» и так далее. Мои герои воевали, боролись в непростых, порой противоречивых условиях, утверждая незбылемые человеческие ценности. Конечно, вы правы, что вершиной всех сыгранных мною «мундирных» ролей стал польский разведчик Станислав Калицкий, действовавший под именем Ганса Клооса. Он прошел со мной чуть ли не четверть века.

Как случилось, что именно мне предложили сыграть капитана Клооса? Дело в том, что в 1964 году я переехал жить и работать в Варшаву, а до этого двенадцать лет работал в театре города Люблина. В то время я снимался редко. В Варшаве же много изменилось, началось мое сотрудничество с телевидением. В конце 1965 года мне предложили сыграть роль Клооса. Почему? Наверное, потому, что у меня был уже определенный опыт работы над «мундирными» образами, но главное — другое: авторы картины искали «незаигранного» на телевизионном экране актера. Им нужно было новое лицо. Ведь «Ставка больше, чем жизнь» поначалу задумывалась и транслировалась по телевидению как телеспектакль (пятнадцать серий). Только с весны 1967 года начались киноэпизоды восемнадцатисерийного фильма. Такой благодатный материал — редкость для актера. Однако тут были и свои минусы. Я бы сказал, кинорежиссеры после этого стали «укладывать» меня в такой ящик, который определенным образом ограничивал мое актерское амплуа. В Польше ходило даже шуточное определение: «Микульский — штатный военный польского кино и телевидения...»

Но я не бросал театр: он позволял расширить творческий диапазон моих возможностей. Играл самые разнообразные роли — в комедиях и фарсах, драмах и трагедиях. И далеко не только симпатичных, положительных героев, но и острохарактерные роли. Среди них — Жевакин в «Женитьбе» Гоголя, Яго в «Отелло» Шекспира, гангстер Мекки-Нож в «Трехгрошовый опере» Брехта, Макбет, Сирано де Бержерак...

Но, честно говоря, я больше любил свою работу в театре, тут ты чувствуешь себя соавтором образа. Ты можешь развивать свою роль от спектакля к спектаклю, что-то добавлять или исправлять. В кино же появление твоего образа на экране зависит во многом от режиссера, оператора и даже монтажера. Знаю, что и у советских актеров лучшие сыгранные эпизоды порой летят «в корзину», а вот худшие, увы, остаются. И актер исправить уже ничего не может. Кроме того, в театре важен твой непосредственный, живой контакт со зрителями.

— Сегодня, разговаривая с нашими читателями и зрителями, нередко слышишь такое откровение: мол, резко упала профессиональная актерская культура. Что вы думаете по этому поводу?

— Пожалуй, это повсеместное явление. Почему? Времена меняются. Помню, в послевоенные годы, когда я только начинал работать в театре,

первой мечтой было — во что бы то ни стало играть из спектакля в спектакль. Мы тогда не спрашивали: сколько будем получать за свою работу? Более того, мы ничего не требовали: нам нужно было только искусство. На выездных спектаклях в уездных городках, даже в неоплаченных залах, мы играли с азартом. От уезда к уезду ехали на развалившихся машинах, которые не раз приходилось буквально вытаскивать из грязи. А сейчас попробуйте заставить молодого актера сыграть на выезде в зале, где всего лишь на два градуса холоднее нормального!..

Изменилось отношение к театру и у зрителей. Раньше поход в театр для всех являлся праздником, к нему готовились, надевали лучшее платье. Теперь это редко бывает. Почему? Да потому, что театр перестал быть святыней, храмом. Он утратил свое изначальное таинство. Конечно, винить зрителей нелепо: изменились и социальные условия, в которых мы живем.

— Но ведь послевоенное время было намного тяжелее, чем сегодняшнее?

— Конечно, это очень хорошо, что требовательность к искусству растет. Развалюхи-машины давно заменены автобусами, в зданиях театров тепло. Но этого мало: и мы, актеры, и зрители должны резко изменить свое отношение к театру. Он — не какое-то государственное учреждение. В него нельзя входить, как в свою квартиру. Нельзя фамильярно похлопывать по плечу своих старших коллег. Нужно с уважением относиться друг к другу. Театр, я хочу повторить вновь, это не жизнь, окружающая нас. Своим искусством он должен хотя бы чуть-чуть приподнимать нас над однообразием, серостью, невзгодами, которые есть в нашей повседневности. Корень всего в том, что, на мой взгляд, сейчас утрачена чудотворная дистанция между театром и зрителями. Ее необходимо вернуть. А это невозможно без возвращения личной, бытовой культуры.

Несомненно, большое влияние на культуру каждого из нас, на традиции прежде всего оказывает то, что нас окружает, с чем мы вынуждены сталкиваться ежедневно. Если человек после работы должен отстоять в длинных очередях, чтобы купить для семьи продукты, если он в метро и троллейбус не может спокойно зайти, а вынужден держать «бой» и потом, стиснутый со всех сторон, до-

бираться до своего дома, если он не в состоянии найти необходимые лекарства и помочь ближнему — скажите, неужели все эти факторы не влияют на его нравственное состояние? Эти социальные проблемы раздражают, угнетают и создают ту критическую ситуацию, которую человек воспринимает как стрессовую.

Вроде бы культура — это то, что есть внутри нас, и, казалось бы, внешние условия не могут влиять на нее? Но это не так. У каждого из нас есть своя граница выдержки, граница сопротивления.

— Какой же выход из этого положения?

— Поймите меня правильно, я не хочу оправдывать ни хамство, ни жестокость, ни другие негативные явления. Но каждый человек прежде всего должен оставаться верен себе, независимо от жизненных и даже экстремальных ситуаций. Мне кажется, нужно для себя выбрать нечто главное, то, чему ты останешься верным на всю жизнь. Я говорю об идеалах...

Несомненно, упадок культуры, нравственности связан с конкретными социально-экономическими проблемами, которые встали перед социалистическим обществом в последние десятилетия. Что, разве мы не знали о них? Знали. Но одни боялись говорить правду, другие стыдливо молчали, третьи считали все эти проблемы временными, «болезнью роста». Правда, были и такие, которые пытались говорить. Сейчас мы начинаем постепенно вытравлять ту «нравственную двойственность», с которой долгое время были в ладу. Оказывается, это сделать не так-то и просто.

Я верю в то, что и Польша, и Советский Союз смогут выйти из тяжелых, порой критических ситуаций, в которых вынуждены были долгое время жить. И в этом мы все виноваты. Ведь на всякий лозунг и у нас, и у нас однозначно говорилось только: «Да!» У нас в 40—50-е годы были тоже неоправданные репрессии. 1956 год — время перемен. Все были полны надеждами и все восторженно пели: «Гомулка — сто лет!..». А что потом произошло? В 1968 году начался следующий поворот. А в 1970 появились Герек. Опять лозунг: «Поможете?» — обращался он, и мы все с энтузиазмом кричали: «Поможем!» Это был третий такой переломный момент в жизни нашего общества, 80-е годы...

Но я верю, и меня окрыляет то, что наше «обновление» и вашу «перестройку» остановить сейчас уже невозможно. Новое время наступает для наших народов. Конечно, оно — не легкое: есть люди, которые опять, прикрываясь словами «обновление» и «перестройка», твердят «да», а в глубине души противятся, надеются, что все вернется «на круги своя». И здесь мы должны быть очень зоркими!.. А зоркость и придает силы человеку...

Ну а насчет упадка культуры и нравственности... То ведь он характерен для всех стран. Там тоже свои проблемы с молодежью — наркомания, проституция... Сейчас, к примеру, пытаются говорить о том, что якобы «обновление» и «перестройка» принесли с собой нашему социалистическому обществу проституцию и наркоманию. Раньше как будто не было? Все это было! Только скрывалось. Мы боялись признаться, что эти пороки существуют и в социалистическом обществе. В общем, нельзя забывать, что мы живем в одном мире и переживаем, в большей или меньшей степени, проблемы, присущие всем народам, независимо от цвета кожи и социальных условий. Но из поколения в поколение, несмотря на самые различные кризисы, связанные с экономикой, с нерешенными нравственными, социальными аспектами проблем, также передаются и лучшие моральные традиции. Вот об этом тоже нельзя забывать.

У польской и советской молодежи много общих проблем, которые надо решать. Мы не имеем права махнуть рукой: пусть, мол, молодежь живет, как хочет! Сколько получают молодые специалисты после окончания института и у вас, и у нас? Они же сегодня вынуждены изощряться, чтобы заработать себе на жизнь. Возьмите учителей. Я убежден, что учителя должны получать больше всех прежде всего потому, что ведь они формируют и воспитывают наше будущее общество. Да, если мы хотим сравняться с другими странами в технологическом смысле, в научных достижениях, то в первую очередь должны думать о тех, кого сможем назвать своими наследниками...

— Наследники наших настоящих идеалов не где-то, они живут рядом с нами, в наших семьях?

— Я считаю, что семья — это та маленькая ячейка, с которой все и начинается. Семья должна быть и убежищем, и базисом роста духовности, нравственности.

— Пан Станислав, сейчас вы работаете в Москве советником посольства, директором Польского центра информации и культуры в СССР. Наших читателей интересует, что собой представляет ваш Центр?

— Основная его задача — пропаганда и распространение польской культуры в Советском Союзе. Это — показ кинофильмов, встречи с интересными людьми, художественные выставки, научные симпозиумы... Диапазон работы у нас огромный. Он неисчерпаем. К тому же наш Центр может посещать практически любой человек. Правда, пока мы своего постоянного здания не имеем, поэтому два раза в неделю арендуем Дом культуры имени Серафимова в Среднем Тишинском переулке, дом 5/7. Так что приглашаю всех желающих...

— А если зал не вместит всех?

— Тогда мы выдаем приглашения. Но их могут получить москвичи. А вот письмо по этому поводу пришло от нашей читательницы из Новосибирска. И если вдруг она или кто-то другой, например, из Иркутска, Южно-Сахалинска, Архангельска, захочет попасть к нам, вы пропустите их?

— Несомненно. Мы им отдадим предпочтение. Вот вы назвали Новосибирск и Иркутск. У нас, кстати, именно с этими городами возникают творческие связи. Это означает, что наш Центр будет работать не только с москвичами. Мы будем устанавливать творческие контакты и с другими городами.

Почему вы, пан Станислав, согласились возглавить такой Центр, неужели вы навсегда ушли из искусства?

— Когда в прошлом году было принято решение о создании такого Центра и ко мне обратились с предложением возглавить его, первым моим желанием было отказаться: да вы что? Я же актер!.. Но подумал и решил: сегодня это, пожалуй, очень важное место, где я смогу принести посильную пользу.

Ну а контакты со своей профессиональной актерской, я думаю, не утрачу. Во всяком случае с кино. Вот с работой в театре будет сложнее. Но мне кажется, что в своем новом положении я не предаю свое призвание: актер должен нести культуру своего народа, служить сближению людей. Разве эта миссия не совпадает с моей нынешней ролью?..

Беседу вел Юрий СЛАВИЧ.

Фото С. Болдина.